

БОЛЬШИЕ

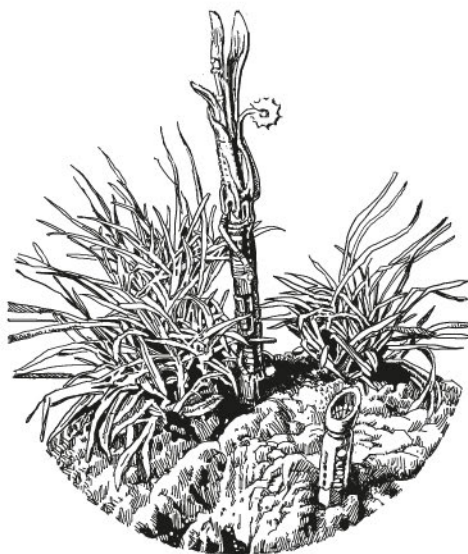

КНИГИ

Кир Булычев

ПОХИЩЕНИЕ ЧАРОДЕЯ

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-445
Б 90

Оформление обложки Егора Саламашенко
Иллюстрации Сергея Григорьева

- © Кир Булычев (наследник), 2023
- © С. А. Григорьев, иллюстрации, 2016
- © М. Ю. Манаков, К. В. Ратников, статья,
2016
- © А. В. Жикаренцев, состав, 2016
- © Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2023
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-22336-3

ГРАНД-МАСТЕР ФАНТАСТИКИ

Среди самых многообразных направлений литературы издавна и явно неспроста выделяется особая ее ветвь, уважительно именуемая научной фантастикой. Как правило, она связана с попытками максимально органично совместить художественную форму изложения, занимательный, динамичный сюжет и серьезное содержание, опирающееся на новые достижения науки и техники, — с намерением предугадать будущие открытия, время для которых в реальности еще не пришло. Очень жаль, что попытки эти часто так и остаются попытками, а пророческие способности литераторов оказываются весьма скромными.

Все мы помним классический пример Жюль Верна. Казалось бы, ему удивительным образом удалось предвосхитить в своих романах целый ряд чудес изобретательской мысли, представлявшихся в его эпоху совершенно невозможными. Вот только эти чудеса довольно быстро обрели жизнь и намного превзошли наивные предвидения романиста, который выступил в данном случае всего лишь как искусный популяризатор отрывочных сведений, косвенно получаемых им из вторых рук — от знакомых ученых-экспериментаторов и естествоиспытателей.

Подлинные художественные открытия в фантастике, как и в литературе в целом, происходят не на случайных, кривых путях околонучного прогнозирования, а на прямой столбовой дороге, ведущей к тонкому психологическому исследованию внутреннего мира человека, его сложной душевной жизни, строя его заветных чувств, мыслей, тревог, надежд, желаний и страхов. Фантастический антураж всего лишь увеличительное стекло, сквозь которое яснее и четче виден реальный масштаб личности персонажа. Качественная фантастическая литература — это яркий образец настоящей литературы, и ее не обязательно подгонять под шаблоны жесткого прокрустово ложа традиционного деления текстов на fiction или non-fiction.

К сожалению, нынешняя читательская аудитория не всегда отдает предпочтение фантастическим книгам с серьезным психологическим и уж тем более научным компонентом. Большинству читателей по вкусу броские, захватывающие авантюрно-приключенческие сюжеты, стихия чистого вымысла, красочная экзотика таинственных глубин космоса и затерянных в просторах Галактики далеких миров. Чем необузданнее

фантазия автора, тем в большей степени, по мнению этих читателей, конечный результат писательского труда соответствует массовым представлениям о сущности фантастики. Любой намек на научность отбрасывается в угоду развлекательности. Для бурного потока современной фантастической беллетристики такое положение дел более чем типично.

Но всегда из общего правила (которое, извините за тавтологию, не хочется признавать правильным) есть счастливые исключения. Именно таким исключением, демонстрирующим благородную верность знамени научной фантастики, является творчество Кира Булычева. И объясняется это не только тем, что писатель был ученым-востоковедом, доктором исторических наук, авторитетным специалистом во многих областях знания, включая такую экзотическую, как фалеристика — наука о наградах и должностных знаках. Важен сам дух эпохи, когда начиналась литературная деятельность Игоря Можейко, взявшего себе творческий псевдоним Кир Булычев.

1960-е годы были временем подлинного триумфа отечественной научной школы, по заслугам увенчавшимся и покорением космоса, и мощным развитием системы научно-исследовательских институтов по всей стране, и оптимистическим настроением общества, напрямую связывавшим свои надежды на дальнейший прогресс с активным внедрением в жизнь результатов новаторских разработок как в академической науке, так и в прикладных ее отраслях.

И поэтому вовсе не случайно герои многих рассказов и повестей Кира Булычева, собранных в этой книге, являются по своей профессии или же по роду занятий представителями естественно-научного знания, будь то биология или медицина, физика или геология, не говоря уже о пытливых исследователях неведомых планет и галактических систем. Универсальность и разносторонность познаний писателя во многих научных областях, осведомленность о ключевых моментах экспериментальных разработок, гипотез и концепций позволила ему быть в высшей степени убедительным при освещении таких объективно сложных тем, как, например, клонирование человеческого организма (в повестях «Чужая память» и «Ваня+Даша=любовь») или создание искусственных агрегатов, обладающих способностью оказывать сильнейшее влияние на органы чувств и менять мировосприятие личности (в рассказах «Глаз», «Корона профессора Козарина», «Летнее утро» и других).

Можно без всякого преувеличения и ложного пафоса назвать Кира Булычева подлинным популяризатором научных достижений человечества, активным пропагандистом идеалов преображения жизни под воздействием всеобъемлющей научной мысли, направленной на творческое преобразование реальности, придание ей новых, более совершенных и гармоничных качеств. И это вовсе не вина, а беда для гуманистического потенциала науки, если добросовестные и самоотверженные

старания лучших людей не находят понимания в мещанском болоте, тупые и самодовольные представители которого оказываются годными лишь на то, чтобы слепо и бессмысленно загубить уникальные шедевры научно-технического искусства, как это произошло в пронзительном по своему горестному тону рассказе «Шкаф неземной красоты».

Однако для Кира Булычева ничуть не менее значимым, помимо художественной проработки научной стороны фантастических сюжетов, был также углубленный анализ трудных психологических проблем и напряженных нравственных коллизий, неотступно волнующих персонажей его произведений. Чтобы выбрать единственное решение, нужно верно оценить ситуацию, исходя из четких этических позиций бескомпромиссного различения добра и зла, истины и лжи. Моральный выбор, зачастую роковой, который вынуждены делать его герои, будь то инопланетный гость Земли из рассказа, так и называющегося «Выбор», или подросток, вынужденный приноравливаться к жуткой обстановке современной гражданской войны, подчеркнуто резко и мрачно изображенной в рассказе «Мой пес Полкан», а также многие действующие лица целого ряда других его произведений, — все они, каждый по-своему, испытывают себя на человечность, и, увы, часть из них оказывается не в состоянии сохранить в себе гуманное начало и противостоять жестокости окружающего мира, как это случилось с медсестрой из рассказа «Пора спать!».

Тонкий психолог, Булычев умел сквозь гротескные детали быта показать противоречивые перипетии душевной жизни своих не очень-то счастливых и не всегда удачливых персонажей. Нередко такое изображение предстает в сатирическом свете (достаточно вспомнить хотя бы колоритную галерею добровольных продавцов душ в повести «Витийствующий дьявол»), писатель намеренно заставляет героев пройти через самые неожиданные коллизии, чтобы наиболее полно раскрыть личностные особенности человека, дать ему исчерпывающую характеристику как личности. При этом в фантастическую сюжетную оболочку может быть облечено самое разное по своей сущности содержание — от глубоко трагического (в рассказе «О страхе») до юмористически-добродушного и откровенно комичного (в повести «Умение кидать мяч»).

Диапазон психологических типов людей, в совершенстве воссозданных Кириллом Булычевым, необычайно широк и, безусловно, должен заинтересовать читателей любых возрастов — от школьников-подростков и сохраняющих в себе качества юношеской романтики взрослых, которые с удовольствием прочтут повесть «Два билета в Индию», до самых строгих и разборчивых ценителей серьезной — «взрослой» — литературы, лучшие образцы которой щедро представлены в этой книге. Именно люди как объекты художественного изображения всегда интересовали Кира Булычева неизмеримо больше, чем внешние атрибуты фантастики.

Знаменательно в этой связи, что свой второй сборник рассказов, изданный в 1975 году в очень тогда популярной серии «Библиотека советской фантастики» (первый вышел в этой же серии тремя годами раньше и включал в себя, помимо внецикловых произведений, подборку рассказов о Великом Гусляре), автор озаглавил «Люди как люди» — то есть не боги, не герои, не гении и злодеи, а именно *люди*, наделенные собственными судьбами, страстями, достоинствами и недостатками. Это явственное человеческое измерение сближает творчество Кира Булычева с коренными традициями отечественной литературной классики.

В заключение осталось пояснить смысловой принцип составления этой книги. Главная особенность издания, которое вы держите в руках, отличающая его от множества других сборников избранных произведений Булычева, — стремление соединить под одним переплетом наиболее показательные тексты так называемых малой и средней форм — рассказы и повести, наглядно отражающие самые разные грани таланта автора. Литературоведы и профессиональные критики всегда единодушно признавали Кира Булычева одним из лучших советских и российских прозаиков, создавшим непревзойденные по мастерству многочисленные рассказы и повести с очень разноплановыми фантастическими сюжетами. Его имя с полным правом вписывается в один ряд с такими бесспорными классиками советской фантастики, современниками Булычева, как Дмитрий Биленкин, Роман Подольный, Илья Варшавский, Ольга Ларионова, а в чуть более позднее время — Борис Штерн, Любовь и Евгений Лукины.

Когда-то, готовя пояснительное предисловие к публикации переведенной на русский язык повести «Если это будет продолжаться...» американского писателя Роберта Хайнлайна, высоко ценивший его творчество Кир Булычев с заслуженным восхищением назвал своего коллегу первым гранд-мастером современной американской фантастики. Таким же великим мастером можно назвать и самого Булычева, и подтверждение этому — книга, которую мы вам представляем.

Всем, кто искренне увлекается богатым и многообразным творческим наследием писателя, дается удачная возможность ближе познакомиться с теми произведениями, которые не входили в широко известные циклы об Алисе Селезневой, докторе Павлыше, Коре Орват или жителях Великого Гусляра. При этом каждое произведение сборника вполне самостоятельно и самобытно, что лишний раз подтверждает несомненную истину: настоящий, оригинальный и неподражаемый дар прекрасного писателя свободно и виртуозно проявляется в любых формах и объемах.

Михаил Манакон, Кирилл Ратников

ЧАСТЬ I
ЛЕТНЕЕ УТРО

КОГДА ВЫМЕРЛИ ДИНОЗАВРЫ?

В этом доме был современный лифт с голубыми самозакрывающимися дверями. Между створками была щель, настолько широкая, что можно было увидеть ярко освещенную белую стену кабины и современный плафон под потолком. Но влезть в щель было нельзя. Не только Полянову, но и мне, хотя я в два раза тоньше.

— Какой этаж? — спросил Полянов.

— Десятый, Николай Николаевич, — сказал я.

— А другой лифт есть?

— Нет другого. Может, я поднимусь, а вы постепенно ко мне присоединитесь?

— Как так постепенно? — спросил Ник-Ник. — Тебе одному нельзя. Он с тобой и разговаривать не будет.

Ник-Ник тяжело вздохнул и почему-то расстегнул пиджак.

Я бы отлично управился без него, но когда из лаборатории принесли глянцевые, тринадцать на восемнадцать, отпечатки, то принесли их не мне, а прямо к нему в кабинет, он меня тут же вызвал, и я впервые увидел их живописно разбросанными по столу Ник-Ника.

— Ты заказывал пленку печатать? — спросил он, изображая строгость.

— Заказывал.

— А что там, знаешь?

— Нет. Мне Грисман пленки прислал, я думал, может, что срочное, вот и отдал в лабораторию. Ведь по нашему отделу.

— Значит, не видел, говоришь?

— Не видел.

Я старался краем глаза разглядеть, чего там Грисман наснимал такого, что лаборант притащил прямо к Ник-Нику в кабинет. Может, запечатлел местных девчат на память и сейчас произойдет неприятный для меня разговор?

— Где письмо? — спросил Ник-Ник.

— Какое письмо?

— С пленками письмо от Грисмана было?
— Не было никакого письма, Николай Николаевич, — ответил я.

— Что же это такое? Присылает фотокорреспондент пленки — и к ним ни письма, ничего? Может, он и не хотел, чтобы их проявляли? Может, он хотел, чтобы их прямо в таком виде в музей отдали? Он где?

— Вы же знаете, на Саянах, в Парыкских болотах, там скелеты ящеров нашли. Сами же ему командировку подписывали.

— Что он должен быть в Парыкских, это я знаю, а вот где он в самом деле, не знаю.

Полянов сгреб фотографии в кучу.

Я воспользовался передышкой, чтобы убийственно посмотреть на лаборанта Леву. Чего-чего, а такого предательства я от него не ожидал.

У Левы были обалдевшие глаза, и он, по-моему, даже не понял, что я смотрю на него убийственно. Из-под широких ладоней редактора выглядывали уголки фотографий, и по уголкам ни о чем догадаться было нельзя.

— Пленки где? — спросил Полянов у Левы.

— В лаборатории остались.

— Быстро принеси, одна нога здесь, другая там. Как ты мог их оставить?

Дело серьезное, понял я.

Полянов постучал ладонью по отпечаткам, потом поправил массивные очки.

— Так, — сказал он ехидно, — когда вымерли динозавры?

— Что?

— Когда, спрашиваю, динозавры вымерли? Давно? Отвечай, ты же отдел науки.

— В меловом периоде, — сказал я.

— Вот-вот, и я так думаю, — сказал Ник-Ник. — А вот твой Грисман так не думает. Что же теперь делать?

— Знаете что, объясните мне, пожалуйста, — сказал я. — Ведь поймите мое положение...

— А я разве не рассказал? Я-то думал, что вы это на пару с Грисманом придумали, меня, старика, разыграть хотели.

Полянов провел ладонью по столу, и фотографии, прижатые к его поверхности, подъехали ко мне.

— Ты садись, — сказал мне редактор, — в ногах правды нет.

Я правильно сделал, что послушался Ник-Ника и сел раньше, чем взглянул на фотографии. Потому что фотографии были хорошие, качественные, некоторые на контражуре, с достаточной глубиной. Хоть тут же, без ретуши, ставь в номер. Но в номер их поставить было нельзя. Ни один уважающий себя редактор не сделал бы этого. На фотографиях были изображены динозавры. Динозавры в болоте, динозавры на фоне далеких гор, динозавры, лежащие на берегу. Самые обычные динозавры из учебника палеонтологии или из популярного труда «Прошлое Земли».

Я перебирал отпечатки, раскидывал их веером, как колоду карт, даже переворачивал на другую сторону в тщетной надежде увидеть объяснительные подписи на обороте.

— Трюк? — донесся до меня издали голос Полянова. В голосе звучало искреннее сочувствие. Видно, мое изумление было достаточно очевидным.

— Что трюк? — спросил я. — Это? Это не трюк. Ведь, чтобы снять динозавра, надо иметь динозавра. Хотя бы искусственного, чучело, муляж. А откуда у него в лесу, в болоте чучело динозавра?

— Вот и я думаю, — согласился Полянов.

В дверь ворвался Лева, неся, как ядовитую змею за хвост, разрывающую пленку.

— Она, — сказал он, — цела и невредима, а то вы сказали, и я заволновался.

За Левой в кабинет вошли Куликов и Галя, наша секретарша. Они встали за моей спиной, и ясно было, что не уйдут, пока тайна не разрешится.

— Ты на меня не того, — шепнул мне Лева, — я не мог, такое дело.

— Ладно, потом поговорим, — сказал я, не в силах оторвать глаз от блестящих глянцевых шей динозавров.

— Ты что же думаешь? — продолжал между тем Полянов, не глядя на нас. — Ты думаешь, я сейчас вот так и скажу: в номер? Нет, я этого не скажу.

Полянов аккуратно смотал пленку и, оторвав листок перекидного календаря, завернул ее в бумагу. Потом положил во внутренний карман пиджака.

— Николай Николаевич, — сказал я. — Голову даю на отсечение, это настоящие снимки. Посмотрите на задний план, и дымка, и все тут...

— Что советуешь? — спросил Полянов. И сам ответил: — Нужен специалист.

В кабинет между тем вошли еще человек пять из редакции. Сенсации быстро распространяются в журналистском мире.

— Мошкину позвонить надо, — сказал Сергеев из отдела литературы.

— Только не Мошкину, — ответил я. — Мошкин у Еремина в экспедиции ведал кадрами и хозяйством, а потом брошюру написал. А сам ничего не знает. Лучше самому Еремину. Хотя его сейчас нет в городе. У меня есть домашний телефон Ганковского. Если он здоров, это самый подходящий человек.

— Звони, — сказал Ник-Ник, пододвигая ко мне телефон.

Фотографии Грисмана летали по комнате из рук в руки, и кабинет был наполнен шепотом и шуршанием.

Доцент Ганковский согласился принять нас. Он любезно сообщил свой адрес и предупредил, что лифт может быть испорчен. И вот мы стоим в подъезде дома, где живут ученые из университета, и Полянов расстегнул пиджак, чтобы легче было дышать, когда будет подниматься на десятый этаж.

Мы поднимались быстро.

К десятому этажу сердце мое уже так затолкало легкие, что нечем было дышать. А Полянов шагал и шагал, будто забыл, что в нем сто три килограмма и у него гипертония.

Доцент сам открыл дверь. Видно, ему не было чуждо любопытство.

— Ну что ж... — сказал он, посадив нас в настоящие академические черные кожаные кресла.

Доцент был сух, опален ветрами пустынь и гор. Стены кабинета были заставлены стеллажами, а в промежутках между ними висели таблицы, изображающие белемниты в натуральную величину. На столе под коренным зубом мамонта лежали стопкой исписанные быстрым почерком листы.

— Мы бы вас не беспокоили, товарищ Ганковский, — сказал Ник-Ник. — Мы понимаем вашу загруженность, мы и сами загружены. Ответьте нам, когда вымерли динозавры?

— В конце мелового периода — другими словами, очень давно, — сказал доцент, и я подумал, что ему раз сто в жизни приходилось отвечать на этот вопрос.

— А сейчас динозавры есть? — спросил Ник-Ник.

Доцент посмотрел на Полянова укоризненно. Он ведь не знал, что у меня в конверте.

— К сожалению, это исключено, — сказал доцент. — Хотя наука от этого много потеряла.

— Еще не все потеряно, — сказал Полянов. — А вот еще один вопрос: почему вы, товарищ Ганковский, так уверены, что динозавры вымерли?

Доцент был человеком терпеливым. Хоть он и усомнился, что Ник-Ник можно доверять журнал, он виду почти не подал.

— Разрешите, я тогда не ограничусь простым ответом «да» или «нет». Во избежание дальнейших вопросов я в двух словах поведаю вам, кто такие динозавры и почему я так уверен, что они вымерли. Вы курите? А вы, молодой человек? Тогда курите, не стесняйтесь. Да, значит, динозавры. Английский ученый Ричард Оуэн в прошлом веке восстановил облик одного из этих ископаемых чудовищ и дал ему название динозавр, что значит — чудовищный ящер. Динозавры были очень многообразны. Среди них встречались и хищники, вооруженные громадными зубами, были и живые танки, закованные в тяжелый панцирь. Были среди динозавров и крупнейшие обитатели земной суши. Бронтозавры, диплодоки превышали в длину двадцать метров. Весь меловой период был эрой господства динозавров. До сих пор мы не можем с уверенностью сказать, сколько видов динозавров существовало тогда на Земле. Почти каждый год ученые открывают новых и новых ящеров — плавающих, летающих, прыгающих... Я, надеюсь, рассказываю достаточно популярно?

В любом другом случае, я уверен, Полянов бы смертельно обиделся, услышав такой вопрос, но сейчас он в отличие от доцента видел юмор во всей этой ситуации. Ведь он мог просто показать фотографии, и дело с концом. Но он с наслаждением оттягивал этот торжественный момент.

— Продолжайте, мы с интересом внимаем, — сказал он.

— Итак, меловой период — эра господства динозавров. Меловой период делится на две части: нижний мел и верхний мел. Так вот, верхний мел — важный момент в истории Земли. Именно тогда, шестьдесят миллионов лет назад, динозавры неожиданно вымирают.

— Как так неожиданно? — заинтересовался вдруг Ник-Ник.

— Я не преувеличиваю. С точки зрения истории Земли промежуток времени, в который полностью исчезли динозавры, очень невелик. Так что мы можем считать их гибель неожиданной. Все многообразие видов и форм этих хозяев нашей планеты исчезло, уступив место млекопитающим — мелким, слабым существам, которые в те времена и не могли мечтать о конкуренции с динозаврами.

— И в чем причина? — спросил Полянов.

— Ага, — торжествуя произнес доцент, — думаете, что вы единственный, кому это показалось странным? Нет. Это загадка, над

которой уже десятки лет бьются ученые всего мира. Почему вымерли динозавры? Есть теория — я, правда, не сторонник ее, — что динозавры погибли в результате космической катастрофы, происшедшей в конце мелового периода. Например, Солнце проходит сквозь облако космической пыли. Уровень радиации на Земле резко повышается, и не приспособленные к таким резким изменениям условий существования динозавры погибают.

— А млекопитающие?

— Они теплокровны и поэтому более независимы от окружающей природы.

— А змеи, лягушки? Насекомые?

Мне казалось, что Ник-Ник задает чересчур уж много вопросов, но прерывать разговор не стал.

— Космическая теория многого не объясняет. Есть другая теория. Она связана с изменением климата на Земле к концу мелового периода, с тем, что уменьшилось количество влаги, стали пересыхать болота и реки, поредели леса. Но ведь не все динозавры жили в болотах. Были среди них и летающие, и такие, что могли отлично существовать в сухой местности. Миллионы лет до этого динозавры отлично приспосабливались к изменениям климата — иначе бы им не завоевать всю Землю. А тут вдруг им надоедает приспосабливаться, и они поднимают вверх свои лапы и говорят: «Хватит, мы уж лучше вымерем, чем терпеть и изменяться». Кстати, недавно установлено, что на этом климатическом рубеже появляются новые формы динозавров, отлично приспособленные для сухого климата. Поэтому и для такой теории, на мой взгляд, нет оснований.

— Так и не разгадано?

— Погодите, я еще не окончил. — Доцент вошел в роль лектора и забыл, что перед ним журналисты, а не его студенты. — Вы, наверно, слышали, что время от времени находят кладбища динозавров, чаще всего в тех местах, где раньше были озера, куда реки сносили трупы умерших или погибших ящеров. Находят также, что, казалось бы, более удивительно, громадные кладбища яиц, сотен тысяч. Что вы на это скажете?

— М-да, — сказал Полянов.

— Сотен тысяч, — повторил Ганковский и постучал указательным пальцем по коренному зубу мамонта. — И все яйца отложены приблизительно в одно время. Это говорит о том, что в какой-то исторический момент из яиц динозавров перестали выводиться динозаврята. Почему?

— Может, радиация, как вы говорили? — вмешался я.

— Допускаю, — сказал Ганковский, — хотя не верю. Наши же французские коллеги полагают, что причина тому семь резких, хотя и кратковременных, похолоданий. Похолодания не смогли повлиять на взрослых особей, но уничтожили более нежных зародышей. Если это так, то представляете себе трагическую картину? Еще живы последние старики-динозавры, они еще плещутся в пересыхающих болотах, но на смену им уже не придут представители их рода. И теплокровные зверьки, такие мелкие, что динозавры и не подозревают об их существовании, переймут у них эстафету жизни на Земле.

— Картина, — сказал вполне искренне Полянов.

— Кстати, вы не слышали, что у нас на Саянах найдено громадное кладбище динозавров? В этом году там будет работать разведочная группа.

— В Парьке? — спросил Полянов.

— Там, там.

— Наш корреспондент прислал оттуда фотографии, — сказал Ник-Ник. — Мы потому к вам и пришли.

— Ах да, — сказал доцент. — Я совсем забыл. Ну и что он сфотографировал?

— Василий Семенович, покажи товарищу Ганковскому, — сказал Полянов торжественно.

Я протянул доценту конверт.

Доцент вытащил пачку блестящих отпечатков из конверта, надел пенсне и принялся разглядывать верхний снимок. Не говоря ни слова, отложил его, поглядел следующий. Мы с Ник-Ником замерли, не смея дышать.

— Диплодокус, — сказал наконец тихо, задумчиво и как-то робко доцент, и пальцы его нежно коснулись поверхности снимка. — Длина до двадцати пяти — двадцати семи метров. Верхний мел.

Отложив последнюю фотографию, Ганковский взглянул на нас сквозь пенсне и спросил:

— Необходимо мое просвещенное мнение?

— Да-да, — сказал Полянов, — вы понимаете...

— Очень хорошо, я бы сказал, крайне хорошо и убедительно выполнено. Это метод блуждающей маски?

— Это настоящие фотографии, — сказал я. — Сняты на Саянах нашим фотокорреспондентом Грисманом.

— Так наша группа еще не приехала туда.

СОДЕРЖАНИЕ

М. Манаков, К. Ратников. Гранд-мастер фантастики 5

Часть 1 ЛЕТНЕЕ УТРО

Когда вымерли динозавры?	11
Поломка на линии	22
Поделись со мной!	34
Я вас первым обнаружил!	44
Выбор	55
О страхе	66
Протест	81
Можно попросить Нину?	92
Сказка о репе	103
Корона профессора Козарина	117
Терпение и труд	131
Если бы не Михаил!	143
Трудный ребенок	153
Шкаф неземной красоты	170
Пора спать!	183
Другая поляна	188
Мутант	199
Письма разных лет	208
Летнее утро	222
Глаз	231
Шум за стеной	247
Вячик, не двигай вещи!	261
Один мальчик наступил на рамокали	272
Чечачо в пустыне	282

СОДЕРЖАНИЕ

Усилия любви	295
Юбилей «200»	308
Показания Оли Н.	322
Разум для кота	340
Последние сто минут	345
Одна ночь	353
Мой пес Полкан	371

Часть 2

ПОХИЩЕНИЕ ЧАРОДЕЯ

Умение кидать мяч	391
Город Наверху	430
Журавль в руках	573
Похищение чародея	640
Два билета в Индию	727
Царицын ключ	779
Чужая память	887
Витийствующий дьявол	969
Ваня + Даша = любовь	1010

Бульчев К.

Б 90 Похищение чародея : повести, рассказы / Кир Бульчев. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 1088 с. — (Фантастика и фэнтези. Большие книги).

ISBN 978-5-389-22336-3

Кир Бульчев — вторая величина в отечественной фантастике XX века после братьев Стругацких. Несколько поколений читателей выросло на его книгах, а первая читательская любовь долговечна и с годами не остывает. Основатель Великого Гусяря (своеобразного аналога северного города Соловца со знаменитым НИИЧАВО и его сотрудниками), крестный папа Алисы Селезневой, девочки из будущего Земли, летописец трудов и дней доктора Павлыша и его друзей из экипажа межпланетного звездолета «Сегежа», лодман на реке Хронос, соединяющей во времени разные берега России... Кир Бульчев многомерен, как сама жизнь, в его литературной вселенной есть место и шутивому розыгрышу, и едкой, беспощадной иронии, и мудрости ученого и провидца. В ней есть все, кроме скуки.

Одна из главных и едва ли не самых ярких ипостасей писателя — Бульчев-рассказчик. В книге «Похищение чародея» в максимальном объеме собраны под одной обложкой лучшие рассказы и повести писателя, не входящие в отдельные циклы.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-445

Литературно-художественное издание

КИР БУЛЫЧЕВ

ПОХИЩЕНИЕ ЧАРОДЕЯ

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Анна Быстрова, Валерий Камендо
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 29.11.2022. Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 66,64.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

12+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» –
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-FFB-31300-01-R